

Легитимность политического режима и PR: актуальны ли советы Макиавелли?

The legitimacy of the political regime and PR: whether relevant advice Machiavelli?

УДК 32.019.51

Получено: 03.08.2019

Одобрено: 20.08.2019

Опубликовано: 25.09.2019

Федорченко С.Н.

Канд. полит. наук, доцент, доцент кафедры политологии и права; заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе и международным отношениям Московского государственного областного университета
e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Fedorchenko S.N.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Political Science and law; Deputy Dean of the Faculty of History, Political Science and Law for scientific work and international relations of Moscow Region State University
e-mail: sn.fedorchenko@mgou.ru

Аннотация

Автор в качестве цели своей работы избрал изучение творчества Никколо Макиавелли с точки зрения его значимости для современных приемов связей с общественностью. Тогда как связи с общественностью рассмотрены как составные элементы достижения и упрочнения легитимности политического режима. Под легитимностью автор понимает согласие общества и власти по поводу оптимальности и справедливости практики технологий и коммуникаций существующих политических институтов. В качестве методологической основы выступают принципы сравнительного анализа, Case Study и политико-антропологического исследования. Анализ показал, что приемы корпуса легитимации от Макиавелли вполне соответствуют нынешним реалиям политических технологий в области связей с общественностью. Советы Макиавелли работают там, где имеются некие общие политические закономерности и применяются схожие приемы политики. Они не работают в том случае, если наталкиваются на отторжение на уровне национальных политических ценностей, политической культуры, а также специфики политического процесса конкретной страны. В статье делается вывод, что легитимность, легитимация и связанные с ними категории в отечественной политической публицистике имели сильную привязку к сакральной, мессианской природе политического режима. Также обращается внимание на то, что по причине десакрализации власти российского императора в начале XX в. ореол сакрального оправдания власти постепенно переходит на сам институт государства – сначала советского, а затем и постсоветского. Сакральность миссии государства до сих пор понимается и обосновывается россиянами общими и в то же время высшими интересами общества и власти, а не интересами каких-либо небольших клик и олигархических группировок. Если это согласие нарушается, то легитимность политического режима в России испытывает серьезный кризис. Отсюда резкое падение авторитета государственных органов власти, потеря ими доверия среди населения способны вызвать катастрофические риски для легитимности политического режима и в итоге обрушить всю политическую систему России. По этой причине российская власть должна стать политически гибче, оперативней реагировать на существующие социально-экономические, культурные и политические проблемы

населения, иначе они трансформируются в радикальную плоскость. С другой стороны, именно на власть ложится задача сохранить российские ценности и культуру. Но удержать и упрочить легитимность российскому политическому режиму в современных условиях, стать современным и в то же время ценностно ориентированным, можно только в одном случае – его представители должны инициировать масштабный прогрессивный и в то же время нравственный, общественно важный проект, нацеленный на возрождение, обустройство, освоение страны, предотвращение ее экономической и моральной деградации. Необходимо учитывать и то, что с эпохи сакральной легитимности российская власть претерпела серьезные изменения, пытаясь создать политический режим по западным лекалам, что также определяет накопление противоречий между модернизируемыми политическими институтами и существующей политической культурой страны.

Ключевые слова: легитимность, Макиавелли, политический режим, сакральность, связи с общественностью, легитимация.

Abstract

The author chose the study of the work of Niccolo Machiavelli as the goal of his work in terms of its significance for modern methods of public relations. Whereas public relations are considered as components of the achievement and strengthening of the legitimacy of the political regime. By legitimacy, the author understands the consent of society and the authorities regarding the optimality and fairness of the practice of technology and communications of existing political institutions. The principles of comparative analysis, case study and political-anthropological research are used as a methodological basis. The analysis showed that the methods of the corps of legitimation from Machiavelli are quite consistent with the current realities of political technologies in the field of public relations. Machiavelli councils work where there are some general political patterns and similar political practices are applied. They do not work if they encounter rejection at the level of national political values, political culture, as well as the specifics of the political process of a particular country. The article concludes that legitimacy, legitimation and related categories in domestic political journalism had a strong link to the sacred, messianic nature of the political regime. Attention is also drawn to the fact that, due to the desacralization of the power of the Russian emperor at the beginning of the 20th century, the halo of sacred justification of power is gradually shifting to the very institution of the state - first Soviet and then post-Soviet. The sacredness of the state's mission is still understood and justified by the Russians as the common and at the same time higher interests of society and power, and not the interests of any small cliques and oligarchic groups. If this consent is violated, then the legitimacy of the political regime in Russia is experiencing a serious crisis. Hence the sharp drop in the authority of state authorities, their loss of confidence among the population can cause catastrophic risks to the legitimacy of the political regime and ultimately bring down the entire political system of Russia. For this reason, the Russian government should become politically more flexible, more responsive to existing socio-economic, cultural and political problems of the population, otherwise they will transform into a radical plane. On the other hand, the task of preserving Russian values and culture lies precisely with the authorities. But it is possible to maintain and strengthen the legitimacy of the Russian political regime in modern conditions only in one case - its representatives must initiate a large-scale progressive and at the same time moral, socially important project aimed at reviving, developing, developing the country, and preventing its economic and moral degradation. It is necessary to take into account the fact that since the era of sacred legitimacy, the Russian government has undergone serious changes, trying to create a political regime according to Western patterns, which also determines the accumulation of contradictions between modernized political institutions and the existing political culture of the country.

Keywords: legitimacy, Machiavelli, political regime, sacredness, public relations, legitimation.

Легитимность в российском и западном понимании

Легитимность – ключевая категория для понимания механизма политического режима. Под легитимностью (от лат. *Legitimus*, схожее англ. *Legitimacy*, итал. *Legittimazione*, исп. *Legitimidad*, фр. *Legitimite*, порт. *Legitimidade*, сербск. Легитимитет, пол. *Legitymizacja*, нем. *Legitimität*, фин. *Legitimiteetti* – согласный с действующими законами) можно понимать согласие общества и власти по поводу оптимальности и справедливости существующих политических институтов. К последним относятся государство, парламент, партии, а в некоторых странах и армия. Тогда как политический режим согласно функциональному подходу – это определенный порядок, способ функционирования политической системы, установленный политической элитой страны. Но какова же природа этой самой легитимности? Без детальной операционализации данной категории будет довольно сложно ее адаптировать, во-первых, для дальнейших фундаментальных политологических исследований, во-вторых, для прикладных политологических разработок – соотнесения с конкретной политической практикой, – технологиями и коммуникациями и их схожими прототипами в прошлом, что уже является областью политической антропологии. Поэтому постараемся проделать эту аналитическую процедуру.

Являясь весьма сложным и неоднозначным термином в современной академической политической науке, легитимность изначально не получила единой и общепризнанной трактовки у разных авторов. В средневековой европейской политической мысли легитимность предполагала человека, который, в отличие от тирана, правил в соответствии божественной волей и существующими законами [37]. С эпохи Возрождения, распространением светской культуры и десакрализацией традиционных политических институтов стало меняться отношение и к легитимности. Известно, что британский политический философ Джон Локк высказал мысль о том, что правительство не может быть легитимным, если оно не действует с согласия управляемых [40]. Наконец, позже оформилось два подхода к легитимности – эмпирический и нормативный.

Эмпирический подход исходит из желания ученых сохранить исследование как можно более независимым от своих ценностей и взглядов (М. Вебер, М. Доган). Основоположник эмпирического направления исследования легитимности Макс Вебер в первую очередь предлагал обращать внимание на условия ее достижения – престиж и веру, без которых люди не будут подчиняться власти. К легитимности немецкий социолог относил традиционный, рациональный и харизматический типы. В сочинении «Основные социологические понятия» Вебер кроме традиционной (сохранение лояльности на основе традиций прошлого, авторитета) и ценностно-рациональной (влияние наиболее значимого) описал аффективную (эмоциональное влияние нового) и позитивную (договоренность или навязывание чего-либо) легитимность [9, с. 229-231].

Второй, нормативный подход к легитимности больше сосредоточен на изучении законности основных «правил игры» между властью и обществом, благодаря которым первая управляет, а второе подчиняется (Х. Арентт, Дж. Джексон, Б. Бредфорд). К этому лагерю в основном относятся политические теоретики и политические философы, рассматривающие стандарты добра и справедливости в различных обществах, делающей власть легитимной.

Но деление исследователей легитимности на два «лагеря» весьма условно. Множество исследователей относительно сложно отнести к этим направлениям. Немецкий политический философ Карл Шмитт утверждал, что легитимность – это специфическая система оправдания власти [31, с. 176]. Шмитт, в отличие от Вебера, делил легитимность на два вида – династическую (древнюю, связанную с сакральным, ценностным, монархическим, трансцендентным) и плебисцитарно-демократическую (более современную, происходящую от одобрения действий власти народом). Принципиально важно, что Шмитт отделяет более юридическое понятие легальности от более политического легитимности, полагая, что первая может являться составной частью

последней. Кстати, Л.В. Сморгунюв также пишет, что сегодняшнее публичное управление больше опирается на суждение, а не на нормативные условия устойчивого порядка [28]. Схожую с Шмиттом точку зрения в настоящее время разделяет А.И. Соловьев, считающий, что легитимность принципиально отличается от легальности, так как власть не всегда основана лишь на правовой сфере. Кроме этого, Шмитт обратил внимание на процесс трансформации легитимности от династической к плебисцитарно-демократической форме, сопровождающимся отходом современных политиков от сакральных оснований власти. Позже в работах ученого из Американского университета Мутии Алагаппы также подчеркивалась идея, что легитимность не является некоей политической константой, а постоянно находится в процессе трансформации, строительства и деконструкции в результате политических, социально-экономических и идеологических изменений [34]. Алагаппа поддерживает Вебера, предполагая, что законная сила и согласие не являются независимыми от убеждений, предлагая скорректированные виды легитимности: а) нормативную (общие нормы и ценности), б) процедурную (соответствие установленным правилам), в) исполнительную (эффективное использование государственной власти) и г) согласительную (элементы согласия). Тем самым Алагаппа противостоит критике Вебера со стороны британского политолога Дэвида Битема, который в основе легитимности определял не веру во власть, а ее оправдание с точки зрения убеждений [35]. Тем не менее, позиция Битема также заслуживает внимания. Он перечисляет три универсальных компонента легитимности: а) легитимная власть приобретает и осуществляется в рамках общепринятых правил; б) данные правила оправдываются посредством общих убеждений; в) предпринимаются соответствующие политические действия, выражающие согласие.

Французский политолог Маттей Доган считает классификацию Вебера устаревшей по причине того, что традиционная и харизматичная ее разновидности уже встречаются реже, а рациональная присутствует во многих политических режимах [38, с. 116–219]. Конечно, данный тезис учитывает существующие политические тенденции, однако справедливости ради следует подчеркнуть, что харизматическая легитимность все же полностью не исчезла и успешно трансформировалась в разновидность правого и левого популизма (что видно на примере режимов современной Европы и Латинской Америки), а к элементам традиционной легитимности нынешние власти начинают обращаться в других политических режимах, пытаясь укрепить свое положение, апеллируя к традиционным ценностям и религии (например, постсоветские политические режимы), но конкретно эту тему не прописывая в основном законе. Харизматичная легитимность очевидно проявляется и в социальных сетях, где политики заводят свои аккаунты и сообщества. Доган же, безусловно, прав в том, что в «чистом» виде трех веберовских типов легитимности не существует (и вряд ли когда-либо существовало), скорее, элиты в разных политических режимах используют их комбинацию, адекватную имеющимся в стране ценностям, политическим стереотипам и действующим законам. Американский политолог Дэвид Истон также внес вклад в переосмысление веберовской традиции исследования легитимности, отделив диффузный вид поддержки власти (фундаментальный, медленно меняющийся) от ее специфического вида (общего удовлетворения от действий власти). Истон также выделяет три вида легитимности: идеологическую (согласие с ценностями и нормами режима), структурную (согласие с действующим порядком социальных ролей) и персональную (оценка граждан конкретных политических деятелей) [39].

Тезис немецкого политического философа Дольфа Штернбергера видится глубоким, а самое главное – адекватным в отношении к современной политической жизни. По его мнению, легитимность – это фундамент правительственной власти, когда, с одной стороны, власть осознает, что может управлять, а, с другой стороны, сами управляемые согласны с этим положением [43, с. 244–248]. Американский политолог Сеймур Липсет добавляет к этому, что легитимность подразумевает функцию политической системы

формировать и сохранять уверенность в том, что существующие политические институты – наиболее подходящие и надлежащие для общества [41]. Для итальянского политолога Норберто Боббио этот термин имеет два значения: широкое и конкретное. В широком смысле он под легитимностью понимает справедливость и рациональность решений и позиций, тогда как в конкретном смысле Боббио под легитимностью подразумевает специфический несиловой атрибут государства, связанный с уровнем консенсуса, послушания в части населения по поводу законности его деятельности [37]. Причем по Боббио вера в законность деятельности государства достигается путем оценки результатов функционирования ряда его элементов. Во-первых, Боббио легитимность связывает с политическим сообществом, лояльным к власти, во-вторых, с режимом, регулирующим функционирование институтов и правила борьбы за власть, обеспечивающих сохранение власти, в-третьих, с непрерывной деятельностью политических институтов и возможностью политиками совершать ошибки, в-четвертых, с властной гегемонией. Мауро Пирас, анализируя модель Вебера, отмечает, что политическая власть не может быть стабильной, если она не имеет прочной основы легитимности, которая на самом деле производна от формы социальной координации, предшествующей отношениям политической власти [42]. Пирас предлагает развивать концепцию политики, органично совмещающей анализ «вертикального» и «горизонтального» измерения власти.

Между российскими и зарубежными политологами есть много пересечений в отношении осмысления легитимности. Так, российские политологи усматривают связь легитимности с феноменом поддержки власти широкими слоями населения (В.А. Ачкасов, С.М. Елисеев, С.А. Ланцов [6, с. 3-7]), а также с приемами конструирования авторитета доминирующих политических институтов (К.Ф. Завершинский [14, с. 113-131]). Но есть и специфика. В западноевропейской традиции после средневековья концептуализация легитимности была производна от более четкого теологического размежевания духовной и светской власти. В России такого четкого разделения не было. С давних пор в отечественной политико-философской (дополитологической) литературе, с писателей Древней Руси, сохранилось сакральное, а не нормативное обоснование властного порядка. И подобная традиция весьма прочно укоренилась. Причем, эта особенность власти до сих пор четко осознается не только в политологической среде и так называемом политическом истеблишменте, но и в широких слоях населения нашей страны. Почему эта традиция на Руси и в России укоренилась, а на Западе нет? Вполне возможно, что по той причине, что населению Руси, а позднее России, с одной стороны, приходилось осваивать все новые и новые пространства от Карпат и Балтики до Тихого океана и Северной Калифорнии в поисках пригодных для земледелия земель, тогда как климат дарил европейцам меньше рисков и несколько урожаев в год. С другой стороны, чтобы это расселившееся российское население защитить и контролировать, необходим был чрезвычайно сильный институт государства, способный создать административный аппарат, армию, мобилизовать людей и перераспределять ресурсы. Поэтому такое государство основывалось на категориях сакральности, справедливости и общности (коллективности). Ему было недостаточно только легальной (нормативной, законной) стороны легитимности.

Довольно глубокое замечание о недостаточности законодательной сферы для существования порядка делает первый русский митрополит Иларион Киевский (Русин), четко разделяя Закон и Благодать. Иларион отводил категории Благодати центральное значение в своем сочинении, связывая ее с истинным, сакральным, грядущим и одновременно со свободным [20, с. 37-51]. Закон же для древнерусского политического и церковного мыслителя – лишь тень Благодати, связанная с рабским, земным. Красноречиво свидетельствует о сакральной стороне отечественной легитимности политического порядка в своем «Поучении» русский великий князь и ранний политический теоретик Владимир Мономах: «Епископов, попов и игуменов чтите и с

любовью принимайте от них благословение и не сторонитесь их, и по силам любите и обеспечивайте их, чтобы получить по их молитве милость от Бога» [24, с. 226-227]. Причем сакральное оправдание власти по Мономаху должно иметь созидательный потенциал. Мономах не видит власти в отрыве от справедливости: «...Не позволяйте сильным погубить человека». Русский царь Иван Грозный в первом письме Андрею Курбскому так и пишет: «Смотри и разумей: кто противится власти – противится Богу; а кто противится Богу, тот называется отступником, а это – наихудший грех. А ведь это сказано о всякой власти, даже о власти, приобретенной кровью и войной... Мы сами обладаем властью, данной нам от Бога» [15, с. 52-53; 56]. Однако, как и Мономах, Грозный не просто пишет о божественном ореоле власти, а тесно ее связывает с категориями справедливости и созидания: «Хочешь не бояться власти? Делай добро; а если делаешь зло – бойся, ибо царь не напрасно меч носит – для устрашения злодеев и ободрения добродетельных». При этом царь понимал, что полного слияния светской и духовной власти допускать нельзя: «...Власть священника и управителя с царской властью не совместима...».

Политический публицист Феофан Прокопович, сподвижник Петра I, так рассуждал об опоре власти в сакральном и справедливом порядке: «Тако хотя проповедию слова утверждать благочестие на царех не лежит долг, однакож долг их есть, и великий, о том пецися, да бы и было, и прямое было учение христианское, и церкви христовой правление. Много о сем учит нас священное писание, наипаче же в царских историях, где в повествовании жития царей иных за доброе церкви управление похваляет, а других за нерадение или развращение правоверия обличает» [30]. Ф.И. Тютчев не даром в сочинении «Римский вопрос» отмечал разницу между западной и российской политической легитимностью: «В этом устройстве зародилось и столкновение притязаний, вражда интересов, что не могло не привести к вскоре к ожесточенной схватке между Священством и Империей – тому поистине нечестивому и святотатственному поединку, который, длясь все Средние века, нанес на Западе смертельный удар самому принципу власти» [29, с. 86]. И.С. Аксаков в своей «Речи на коронационных торжествах 1883 года при короновании Императора Александра Третьего» также продолжает традицию сакрального объяснения легитимности российской власти, увязывая последнюю с категориями совести и правды (справедливости): «В том-то вся и сущность союза Царя с народом, что божественная нравственная основа жизни у них едина, единый Бог, единый Судия, един Господень закон, единая правда, единая совесть. На совести, на вере в Бога и на страхе Божиим утверждаются их взаимные отношения, и вот почему ни для царской власти, ни для народного послушания не существует иных ограничений, кроме заповедей Господних» [3, с. 261].

Дореволюционные авторы видели причину делегитимации монархического режима в десакрализации персоны императора. В.В. Шульгин описал это на примере «распутинщины»: «...Государь оскорбляет страну тем, что пускает во дворец, куда доступ труден и самым лучшим, уличенного развратника. А страна оскорбляет государя ужасными подозрениями... И рушатся столетние связи, которыми держалась Россия...» [33, с. 79]. Профанизация власти, потеря ею сакральных основ собственной легитимности видится и в «шаблонных», поверхностных политических реформах, попытках «модернизации ради модернизации». Не даром отечественный политолог А.В. Матюхин обращает внимание на оценку Л.А. Тихомировым рисков монархического режима из-за непродуманных реформ государственного управления: «...верховная власть императора подвергалась опасности узурпации со стороны служебных властей (прежде всего, административного аппарата) с деструктивными последствиями для российского общества» [18]. По причине десакрализации власти российского императора в начале XX в. ореол сакрального оправдания власти постепенно переходит на сам институт государства. Этот факт верно подметил И.А. Ильин: «Итак, государство имеет некую единую и высшую цель. Оно призвано служить этой цели и находиться на действительной

высоте лишь постольку, поскольку ей действительно служит... Государство призвано служить делу Божию на земле... Политика есть солидарная деятельность ради единой общей цели. Если эта цель еще не сложилась, если она еще не признана или если исчезнет, то государство уподобляется песчаному морю, которым ветер играет, вздымая и разбрасывая песчинки врозь» [16, с. 233]. Отсюда резкое падение авторитета государственных органов власти, потеря ими доверия среди населения способны вызвать катастрофические риски для легитимности политического режима и в итоге обрушить всю политическую систему.

Принципиально важно, что понимание легитимности – оправдания, обоснования власти – у западных и российских авторов основывалось на разном подходе к политике и политическому. Если К. Шмитт выводит политическое только из признака дихотомии «друг – враг» [31], то И.А. Ильин писал, что область «политического начинается там, где все хотят одного и того же, и притом такого, что или у всех сразу будет, или чего у всех сразу не будет» [16, с. 237]. Иными словами, отечественные политические философы давно подметили, что российская легитимность власти имеет своим источником коллективизм, соборность – общность интересов и традиций народа. Ильин прямо называл государство духовной общиной. Получается, сакральность миссии государства обосновывается общими и в то же время высшими интересами общества и власти, а не интересами каких-либо небольших клик и олигархических группировок. Если это согласие нарушается, то легитимность политического режима в России испытывает серьезный кризис. Таким образом, легитимность, легитимация и связанные с ними категории в отечественной политической публицистике имели сильную привязку к сакральной, мессианской природе политического режима. Кстати, эту традицию не смогли проигнорировать даже большевики, что прекрасно показал Н.А. Бердяев в своей работе «Истоки и смысл русского коммунизма»: «Старая русская автократическая монархия имела корни в религиозных верованиях народа, она себя сознавала и оправдывала как теократию, как священное царство. Новое русское коммунистическое государство тоже автократично и тоже имеет корни в верованиях народа, в новых верованиях рабоче-крестьянских масс, оно тоже сознает себя и оправдывает как священное царство, как обратную теократию». Гениальный русский и советский писатель Василий Макарович Шукшин также обратил внимание на эту коллективистскую функцию советского государства. При этом писатель государство вовсе не идеализировал, а метко подмечал его истоки, подчеркивая, что «Нравственность есть Правда. Не просто правда, а Правда. Ибо мужество, честность, это значит – жить народной радостью и болью, думать, как думает народ, потому что народ всегда знает Правду» [32, с. 56]. Современные российские власти тоже пытаются апеллировать к значимости института государства в нашей жизни, однако без масштабного и одновременно нравственного проекта, способного объединить россиян во имя некой высшей цели, справедливой и мессианской, использовать созидательный потенциал того, что осталось от коллективизма и народных традиций, для возрождения страны будет невозможно. Важно учитывать и то, что с эпохи сакральной легитимности российская власть претерпела серьезные изменения, пытаясь сделать политический режим по западным лекалам [12], что также определяет накопление противоречий между модернизируемыми политическими институтами и политической культурой страны.

Как видно, несмотря на обращение к разным аспектам феномена, многие авторы связывают категорию легитимности не с силой и законом, а с понятиями согласия, оправдания, одобрения, лояльности, веры, авторитета и престижа. Отечественная публицистика гораздо большее значение отдает понятиям сакральности, мессианства, коллективизма, нравственности и справедливости. И весь приведенный категориальный аппарат четко привязан к укреплению политических институтов. Легитимность – это квинтэссенция согласия, поддержки, доверия и авторитета с поправкой на политические ценности конкретной страны. Фактически, – это некая «сумма политических технологий»,

практикуемая элитой любого политического режима разных государств, их регионов, цивилизаций, исторических эпох. Где-то в протестантских, западных государствах ценностным ядром легитимности будет свобода, а в России и многих постсоветских, латиноамериканских и других странах – справедливость. И не важно, что эти ценностные переменные могут казаться чем-то абстрактным, – они по-прежнему чрезвычайно важны для людей. Отсюда сделаем уточнение, что под *легитимностью политического режима можно понимать согласие общества и власти по поводу оптимальности и справедливости практики технологий и коммуникаций существующих политических институтов*. В русском понимании легитимность – это оправдание, осмысление согласованного порядка между обществом и властью.

Однако перечисленные переменные согласия, доверия, авторитета, признания, поддержки и т.п. достигаются не с помощью законодательного корпуса, а посредством связей с общественностью [6]. В настоящее время под связями с общественностью (PR) понимают коммуникационную функцию управления, с помощью которой организации, в том числе и политические, адаптируются к внешней среде, а также сохраняют либо меняют ее исходя из своих целей [2]. Политический PR связан с легитимностью через корпус коммуникационных техник формирования доверия к политическому актору. Легитимность не существует сама по себе, а включает два основательных корпуса политических технологий – легитимации и делегитимации политического режима. Легитимацией политического режима логично определить корпус технологий по достижению, сохранению и укреплению его легитимности. Антагонистом легитимации будет делегитимация политического режима – корпус технологий по разрушению или ослаблению его легитимности. Можно предположить, что делегитимация всей политической системы наступает только после делегитимации политического режима. Но целью настоящей работы будет рассмотрение именно корпуса технологий легитимации политического режима, хотя это совсем не исключает того факта, что некоторые приемы легитимации и делегитимации могут изрядно пересекаться в своем функционале. В качестве методологической матрицы выступают принципы сравнительного анализа, кейс-стади и политико-антропологического исследования.

Но насколько обращение к связям с общественностью обладает атрибутами современности, и не скрыты ли под слоем исторических эпох, научно-технического прогресса, цифровизации и сетевых интернет-коммуникаций более фундаментальные политические приемы воздействия власти на общество? И, с другой стороны, не будет ли сопоставление прошлых и существующих политических приемов грубым осовремениванием? Постараемся это понять, обратившись к классическому наследию Никколо Макиавелли.

Корпус технологий легитимации от Макиавелли

Наследие великого флорентийца включает несколько сочинений, имеющих принципиальное значение и сохраняющих свою актуальность для современного политолога. Речь, прежде всего, идет о «Государе», «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», «Истории Флоренции», «Жизни Каструччо Кастракани из Лукки», «О том, как надлежит поступать с восставшими жителями Вальдикьяны» и «О военном искусстве». Политическая антропология прекрасно объясняет значение работ Макиавелли, сводя в ходе сравнительного анализа архаичные властные приемы с более современными политическими технологиями, выявляя в них общее и специфичное и приходя в итоге к определению неких универсальных закономерностей во взаимоотношении субъектов и объектов политики. Перейдем к сравнению современных технологий по связям с общественностью с той рецептурой политических приемов, которую нам предлагает в своих работах Макиавелли. При этом в данном сравнении обязательно учтем стратегическое целеполагание – обеспечение и сохранение легитимности современного политического режима. Итак, приведем эти направления политической легитимации.

К основным технологиям легитимации, согласно Макиавелли, можно отнести следующие приемы связей с общественностью: а) политическую аналитику, б) организацию политической коммуникации, в) конструирование лояльных власти политических сообществ, г) определение и контролирование политической повестки, д) мониторинг опасных политических интриг, е) защиту имиджа провластных политиков, ж) учет ценностно-символического компонента и политику памяти, з) защиту государства, его информационного суверенитета от внешних и внутренних угроз, и) использование гражданской политической активности, к) адаптацию имиджа провластных политиков к современным реалиям. Естественно, – это сильно модернизированное видение, однако оно позволит осознать значение макиавеллистских сочинений для современной политики и выявить нечто общее в архаичных и настоящих способах легитимации политического режима. Что и составляет суть и задачу политической антропологии.

Политическая аналитика. Сохранять и укреплять легитимность власти без необходимых специалистов – довольно рискованное, если не безнадежное дело. Любая практика по связям с общественностью, заказчиком которой выступает политический субъект – государство, правительство, политические лидеры, элиты, партии и др., – совершенно бессмысленна без соответствующего подготовительного аналитического этапа. К услугам современного релайтера – специалиста по связям с общественностью – есть самый разнообразный методологический инструментарий: социологические исследования, фокус-группы, контент-анализ, SWOT-анализ, а также психометрические оптики Big Data. Конечно, о таком аналитическом изобилии и мечтать не могли политические советники времен флорентийца. Между тем, уже Макиавелли наметил реперные точки будущего искусства политической аналитики, во многом совпадающие с принципами современных связей с общественностью – адаптацией к внешней среде и последующим изменением данной среды. В сочинении «Жизнь Каструччо Кастракани из Лукки» он пишет: «Самое важное в этом мире – познать самого себя и уметь взвешивать силы своего духа и своего государства» [17, с. 294]. Явным прототипом связей с общественностью является следующий отрывок из «Государя»: «...Надо иметь в виду, что нрав людей непостоянен и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно. Поэтому надо быть готовым к тому, чтобы, когда вера в народе иссякнет, заставить поверить его силой... Как оно и случилось в наши дни с фра Джироламо Савонаролой: введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить». Видно, что у мыслителя пока сохраняется отсылка к силовому решению политических проблем. Хотя проницательный комментатор творчества флорентийца В.В. Разуваев отмечает, что Макиавелли здесь затрагивает тему учета общественного мнения и возможности его регулирования [26, с. 184-185]. И в самом деле, Макиавелли в этом отрывке предлагает все же сочетать силовые и несиловые приемы политического управления.

По Разуваеву, идею важности политического анализа, предусмотрительности можно найти у Макиавелли в следующем его совете: «Так же и в делах государства: если своевременно обнаружить зарождающийся недуг, что дано лишь мудрым правителям, то избавиться от него нетрудно, но если он запущен так, что всякому виден, то никакое снадобье уже не поможет» [17, с. 308]. Действительно, хронически нерешаемые проблемы государственного значения всегда видны населению и лишают власть авторитета, а также доверия со стороны граждан. Быть может по этой причине у итальянца есть отдельная глава «О советниках государей», где он беспокоится о качестве этих политических помощников. Разуваев обращает внимание на одну из первых попыток создания политического сценария возможного будущего в седьмой главе «Государя». Вероятно, Макиавелли интересовал сценарный подход исходя из сугубо прикладных целей – удержания власти политиком через сохранение его авторитета и формирование доверия к нему населения: «...Тот, кто овладевает государством, должен предусмотреть все обиды, чтобы покончить с ними разом, а не возобновлять изо дня в день; тогда люди понемногу успокоятся...» [17, с. 327]. Особенно любопытен отрезок из девятой главы: «...Если

государь пришел к власти с помощью народа, он должен стараться удержать его дружбу... Но если государя привела к власти знать наперекор народу, то первый его долг – заручиться дружбой народа...». Это являет нам весьма дельный совет по поводу осторожности отношений современных политических лидеров с поддерживающими их, с одной стороны, узкими элитными группами, а, с другой стороны, – более широкими целевыми аудиториями электората.

Организация политической коммуникации. Настройка регулярной коммуникации между обществом и властью – важная задача политического режима, от эффективного решения которой зависит уровень его легитимности. Эта настройка включает создание масштабной сети надежных узлов, которыми владеют напрямую либо через посредников властные акторы. Сеть таких узлов может состоять из порталов электронного правительства, сетевых сообществ, массмедиа с активами государства, а также лояльных мобильных операторов и телевизионных компаний. Макиавелли и здесь выглядит современным. В четвертой главе первой книги «Рассуждений на первую декаду Тита Ливия» он намекает на важность предоставления властью населению каналов коммуникаций для пресечения нарастания недопонимания, противоречий и конфликтов: «...Всякий город должен обладать обычаями, предоставляющими народу возможность давать выход его честолюбивым стремлениям...». Здесь буквально напрашивается аналогия с современными приемами организации такой политической коммуникации как электронное правительство и электронный референдум. То есть, чтобы выпускать накопившийся «политический пар», понять и решить ряд проблем, российская власть инициирует для населения такие коммуникационные площадки как «Госуслуги», «Активный гражданин», «Добродел» и т.п. Но самое главное, – эти коммуникационные арены контролируются политическим режимом. Макиавелли продолжает: «...Стремления свободного народа редко бывают губительными для свободы, ибо они порождаются либо притеснениями, либо опасениями народа, что его хотят притеснить. Если опасения эти необоснованны, надежным средством против них является сходка, на которой какой-нибудь уважаемый человек произносит речь и доказывает в ней народу, что тот заблуждается. Народ... способен воспринять истину и легко уступает, когда человек, заслуживающий доверия, говорит ему правду» [17, с. 390]. В этом месте так и хочется заметить, – если бы у Макиавелли были интернет-коммуникации, он весьма быстро бы в них освоился и понял, что к чему.

Дореволюционный политический мыслитель П.И. Новгородцев, анализируя «Рассуждения» итальянского автора, верно заметил, что в этом сочинении подчеркивается эффективность укрепления мощи государства посредством внимания к общей пользе, формирующее расположение граждан к правительству [22, с. 31-32]. Новгородцев пишет, что несмотря на то, что Макиавелли не считал народное правление пригодным для всех времен, он большое значение уделял привлечению масс к управлению государством для его упрочнения.

Конструирование лояльных власти политических сообществ. Просто организовать политические коммуникации – недостаточная мера. Развитие социальных сетей, блогосферы, видеоблогов, тлогов, форумов, мессенджеров, имиджбордов определяет важную задачу для режима по созданию так называемых «носителей легитимности» – политических сообществ, лояльных по отношению к действующей власти. Вспомним, о значимости политических сообществ для легитимности власти писал Норберто Боббио, а о важности опоры на интеллигенцию для гегемонии власти – Антонио Грамши. Поразительно, но советы Макиавелли в третьей главе «Государя» создавать для удержания власти колонии чрезвычайно созвучны с современными попытками политических режимов дизайна провластных политических сообществ в социальных сетях: «Колонии не требуют больших издержек, устройство и содержание их почти ничего не стоят государю...» [17, с. 306]. Достаточно вспомнить существующие сетевые патриотические и провластные сообщества в Facebook, Twitter, ВКонтакте, чтобы понять

глубину рекомендаций флорентийца. Провластные блогеры, видеоблогеры создают широкие аудитории последователей своих взглядов, которые так или иначе совпадают с идеями государственности, внешнеполитическим курсом действующего режима и его политиков. Сейчас основным сетевым приемом формирования политических сообществ является латеральный таргетинг, подчиненный задаче креативного создания целевых аудиторий. Для изучения этих микрополитических процессов нужны уже более совершенные оптики Big Data [10].

Правда, Макиавелли в девятнадцатой главе «Государя» предлагает не конструирование, а опору на уже существующие целевые аудитории, хорошо показав это на примере кейса древнеримских императоров, выбиравших для укрепления своей власти народ, элиту или армию [17, с. 356]: «...Если обыкновенно государям приходится сдерживать честолюбие знати и необузданность народа, то римским императорам приходилось сдерживать еще жестокость и алчность войска».

Определение и контролирование политической повестки. Для укрепления легитимности режима особое значение имеет контроль над политической повесткой. Сегодня политологи уже говорят о трех уровнях политической повестки дня [11]. Власть должна всегда быть на шаг впереди своих оппонентов, регулярно предъявляя обществу свою четкую позицию по внутривластным либо внешнеполитическим делам и новостям. Тем самым создается впечатление действенного и оперативно реагирующего на текущие проблемы режима. Восемнадцатая глава «Государя» делает несомненные намеки на повестку, определяемую государством: «Каждый знает, каков ты с виду, немногим известно, каков ты на самом деле, и эти последние не посмеют оспорить мнение большинства, за спиной которого стоит государство». В двадцать первой главе Макиавелли прямо так и предлагает целенаправленно добиваться «величия» привлекающими внимание общественности действиями: «Величию государя способствует также необычные распоряжения среди государства... Когда кто-либо совершает что-либо значительное в гражданской жизни, дурное или хорошее, то его полезно награждать таким образом, чтобы это помнилось как можно дольше. Но самое главное для государя – постараться всеми своими поступками создать себе славу великого человека, наделенного умом выдающимся» [17, с. 366]. Флорентиец вдобавок советует политику, чтобы он стал «...занимать народ празднествами и зрелищами в подходящее для этого время года». В современных условиях сетевых коммуникаций, суждение [28], интерпретация, связанная с ними повестка, действительно, намного более важный элемент, чем нормативные компоненты легитимности.

В другом своем сочинении «О военном искусстве» Макиавелли на деле пишет о необходимости охвата политической повесткой массовой аудитории для формирования нужного власти мнения: «Убеждать или разубеждать немногих очень легко, потому что там, где слова не действуют, помогают власть и сила. Труднее расшевелить толпу, заставить ее отказаться от мнения, противного твоему собственному или вредного для общего блага. Здесь можно действовать только словом, и если вы хотите убедить всех, то надо говорить перед всеми» [21, с. 219]. Корпус таких советов актуален и для современной практики связей с общественностью – если представители политического режима не занимаются регулярным комментированием новостей, интерпретацией прошлых и будущих событий, то эту миссию на себя берет оппозиция либо деструктивные антирежимные силы.

Мониторинг опасных политических интриг. Легитимность режима часто подтачивается политическими интригами – причем вовсе не обязательно со стороны критиков и оппонентов правительства. Встречаются случаи, когда сами политики, олицетворяющие собой действующий режим, интригуют против друг друга, делясь на противостоящие элитные лагеря, защищая свои интересы в ущерб интересам общественным, порой, не замечая за этой эгоистичной борьбой и мелочной возней, что

тем самым дискредитируют политические институты, а значит, ослабляют когда-то достигнутую легитимность. И совсем не будет ошибкой утверждать, что различного плана интриги негативизируют имидж власти и провластных политиков. Требуется особо подчеркнуть, что легитимность – это не некая застывшая величина, а целый динамичный политический процесс, которым можно и нужно управлять. Согласия между обществом и властью, авторитета самой власти, доверия по отношению к ней общества нужно постоянно добиваться. А значит, эта политическая аксиома определяет необходимость постоянного мониторинга скрытых угроз любого режима – внутренних и внешних интриг.

В.В. Разуваев, известный специалист по Макиавелли, в своей книге политическую интригу трактует как «...действие, направленное на достижение политического результата при условии участия нескольких лиц или их групп, а также предусматривающие использование приемов, находящихся на грани или за гранью этики: политической хитрости, включающей обман, заговор, предательство, готовность идти на риск, нарушение данного слова...» [25, с. 38]. Обычно политическая интрига разворачивается как многоходовка, ведущая к некой цели, связанной с властью. Сам же Макиавелли в девятнадцатой главе «Государя» предостерегает: «...Когда снаружи мир, то единственное, чего следует опасаться, — это тайные заговоры». И сразу же флорентиец дает рекомендацию, вполне уместную в практике современных связей с общественностью: «Главное средство против них – не навлекать на себя ненависти и презрения подданных и быть угодным народу, чего добиться необходимо... Заговорщику есть чего опасаться и прежде совершения злого дела, но в этом случае, когда против него народ, ему есть чего опасаться и после, ибо ему не у кого будет искать убежища» [17, с. 355]. Никколо Макиавелли советует следить за настроениями не только широких масс населения, но и политической элиты: «Благоустроенные государства и мудрые государи принимают все меры к тому, чтобы не ожесточить знать и быть угодными народу...». Но могут ли представители самого политического режима инициировать интриги для укрепления своих позиций в обществе? Полностью не отвергая политические интриги, итальянец все же настороженно относится к регулярной практике стравливания различных политических группировок для их ослабления, считая это излишним риском в двадцатой главе этого же трактата: «Наши предки... для укрепления своего владычества поощряли распри в некоторых подвластных им городах. Венецианцы поощряли вражду гвельфов и гибеллинов... Подобные приемы изобличают, таким образом, слабость правителя, ибо крепкая и решительная власть никогда не допустит раскола...» [17, с. 362-363]. Опасения Макиавелли можно понять – инициировать политические интриги как сложные многоходовые комбинации бывает сложно даже власти, сосредоточившей в своих руках наибольшие интеллектуальные и материальные ресурсы. Никто не гарантирует, что ситуация не выйдет из-под контроля и не приведет к анархии [19]. А значит, режиму логично сосредоточиться на мониторинге такого рода многоходовых политических интриг, современными маркерами которых может стать резкий взброс в информационное пространство, к примеру, фейков и муссирование политических, исторических мифов, слухов. Фейки могут быть только первыми пробными шарами многоходовки интриганов, нацеленных подорвать достойный имидж власти. Вот почему нужно отслеживать их источник, тематику, масштаб и каналы коммуникации. Разуваев хорошо развенчивает и мифы о Макиавелли, отвергая распространенный тезис о том, что «Государь» — это, якобы, учебник по искусству интриги и коварства [27, с. 211]. Напротив, Разуваев справедливо нам напоминает, что флорентиец на первое место в этой книге ставил формирование доверия населения к политику.

Спин-докторинг и защита имиджа провластных политиков. То, что сейчас в прикладной политологии называется спин-докторингом, в эпоху Макиавелли было отвлечением, переводом внимания общественности на другой объект исходя из политической необходимости. В седьмой главе «Государя» на примере кейса Чезаре Борджиа флорентиец предлагает специфическую рекомендацию, нацеленную на защиту

имиджа представителей власти путем перенаправления внимания общественности на другую персону: «...Зная, что минувшие строгости все-таки настроили против него народ, он решил обелить себя и расположить к себе подданных, показав им, что если и были жестокости, то в них повинен не он, а его суровый наместник» [17, с. 321]. Но зачем нужны такие приемы спин-докторинга? Макиавелли в пятой главе своих «Рассуждений» предостерегает политиков, что их достойному образу и власти может угрожать практика слухов, запускаемых политическими противниками. Тем не менее, в одиннадцатой главе этой книги флорентиец отмечает важность выбора того, что в современной политологии получило название целевой группы. Отсюда следует соотносить месседж, лежащий в основе применяемой техники спин-докторинга, с той целевой аудиторией, на которую он направлен: «И хотя грубых людей легче убедить принять какой-либо новый порядок или согласиться с каким-нибудь новым мнением, из этого никак не следует, будто вовсе невозможно убедить в том же самом граждан цивилизованных и почитающими себя людьми отнюдь не отесанными» [17, с. 407].

В.В. Разуваев заметил интересное различие между «Государем» и «Рассуждениями», – если в первом трактате советы флорентийца ориентированы на политика-правителя, то во втором рекомендации всецело посвящены долголетию самого государства [27, с. 119], что имеет намного большее пересечение с феноменом легитимности политического режима. Современный спин-докторинг применяется властями тогда, когда появляется ощутимая угроза сложившемуся политическому режиму от негативных слухов и новостей. В этом случае власти через своих политтехнологов практикуют так называемый торнадо-спин, привлекая внимание общественности к тем другим ярким событиям, новостям, скандалам, проектам, которые способны надолго затмить прежние ошибки политиков, отвлечь граждан и предотвратить нарастание недовольства. Итальянец об этом, собственно, и пишет: «Поэтому в душе он всегда должен быть готов к тому, чтобы переменить направление, если события примут другой оборот или в другую сторону задует ветер фортуны...».

Учет ценностно-символического компонента и политика памяти. Ценностное направление сохраняет свое значение для политической легитимности [1]. Политико-антропологическое значение работ Макиавелли особенно видится в поднимаемом им вопросе о связи прочной власти правителя со сферой традиций. На первый взгляд, это вполне созвучно с моделью Вебера, который выделял так называемую традиционную легитимность. Между тем, Макиавелли здесь был далеко не первым и уделял роли ценностей в упрочнении власти политика сравнительно меньше, чем, к примеру, представители отечественной, древнерусской политико-философской (дополитологической) публицистики. Это объясняется определенной спецификой менталитета западноевропейских и древнерусских политических публицистов: если на творчество первых накладывал отпечаток католицизм либо протестантизм, то вторые не могли не считаться с православной этикой. Что объединяет католиков и протестантов в их подходе к легитимности? Сходство отчетливо понятно в современной политике, а именно в склонности западных политических деятелей к светским приемам легитимации режима. На самом деле этот процесс отхода от ценностных, сакральных обоснований легитимности западноевропейских политиков растянут во времени и не является одномоментным фактом. На примере творчества Макиавелли мы видим начало отторжения той политики папства, которая закрепляла раздробленность Италии и усугубляла распущенность нравов элиты, нежелающей объединить страну и сбросить иго иноземцев. Автор это прекрасно раскрыл в двенадцатой главе «Рассуждений», так и называющейся – «О том, сколь важно считаться с религией и как, пренебрегая этим, по вине римской церкви Италия пришла в полный упадок». Видно, что итальянский мыслитель не отвергал духовную сферу, а с подозрением относился к попыткам властей манипулировать мнением посредством церковного аппарата.

Макиавелли предупреждал, что грубая манипуляция с духовно-ценностной сферой беспринципными политиками может, напротив, ослабить легитимность политического режима. Такой совет выглядит очень современным и актуальным особенно в наше время: «Когда же впоследствии они начали вещать угодное властью имущим и весь этот обман стал явен народу, люди сделались неверующими и готовыми нарушить любой добрый порядок» [17, с. 408]. Подобный тезис в который раз развенчивает миф о том, что советы флорентийца были подчинены лишь безнравственному началу. Вместе с тем, итальянец, как проницательный политический мыслитель, отдавал предпочтение не церковному, а светскому политику в делах урегулирования нестабильной обстановки в стране. Вот как это комментирует П.И. Новгородцев: «...Макиавелли видит в католической церкви врага государственного единства... Макиавелли с резкой определенностью отмечает своими произведениями наступление той новой исторической эпохи, когда на место феодальной раздробленности и теократического господства становится светская государственная власть, носительница новых принципов национального единства и политического могущества» [22, с. 33, 39]. Тогда как в России, являющейся преимущественно по своей ценностной матрице православной цивилизацией, переход к светским приемам обоснования легитимности политического режима, конечно, происходил, но не в том темпе, который имел место в католических и протестантских странах. И дело не в некоей отсталости, а в тех политико-географических, климатических и геополитических условиях, которые всегда определяли портрет политического режима Руси-России от средневековья до современной эпохи. При ограниченных ресурсах росла территория, для защиты которой требовалась власть, способная к эффективной мобилизации имеющихся ресурсов. Однако такой власти светских приемов легитимации, распространенных на Западе, было недостаточно. Поэтому были сохранены и ценностно-сакральные, символические техники легитимации, в том числе через православие. Новгородцев связывает католичество с ценностью посреднической роли церкви, протестантизм – с идеей личной ответственности за совершаемые деяния, а православие – с традицией коллективной ответственности каждого за всех и всех за каждого [22, с. 411]. Наивно полагать, что разные ценности совсем не повлияли на современные политические приемы легитимации. Современный комментатор Макиавелли, российский политолог В.В. Разуваев очень четко на этот счет объясняет ценностную сторону легитимации на примере отечественных князей и царей: «...Непостоянство, легкомыслие, изнеженность, малодушие и нерешительность встречались у них гораздо меньше, чем у итальянских государей... Православная вера и православное воспитание делали из посредственностей... вполне предсказуемых и уверенных в себе правителей. Чувствовавших свое предназначение в ответственности за Русь» [26, с. 390]. В настоящее время подобные ценностно-символические приемы легитимации власти не отброшены, а все больше используются в направлении политики памяти в России, США, Китае и других странах. Удивительно, но не все правительства до сих пор осознали то, что уже поняла американская власть, – политика памяти важна везде – от многопользовательских компьютерных игр до кинематографа. Задача политики памяти – создать преемственность между поколениями, сохранить историческое, а также политическое сознание в рамках единого государства, так как прежней работы с различными одновозрастными целевыми аудиториями в эпоху интернет-коммуникаций уже недостаточно.

Одиннадцатая глава «Рассуждений», названная Макиавелли «О религии римлян», опирается на кейс древнеримского царя Нумы Помпилия, проводившего реформы, апеллируя к сфере сакрального: «...Авторитет сей весьма пригодился Нуме; он делал вид, будто завел дружбу с Нимфой и что именно она советовала ему все то, что он потом рекомендовал народу... Нума хотел ввести новые, невиданные дотоле порядки и не был уверен, хватит ли для этого его собственного авторитета... Как соблюдение культа божества является причиной величия государств, точно так же пренебрежение этим культом является причиной их гибели» [17, с. 406-407]. Заметим, что Макиавелли ничуть

не идеализирует церковь и религию, а обнаруживает более фундаментальную закономерность устойчивости политических режимов – их ценностно-сакральное обоснование. В современной политике это место занимает идеология и политическая мифология, без которых власть вынуждена сосредотачиваться на довольно невыгодных ей вопросах от населения, от макроэкономического до бытового плана. Апелляция представителей режима к ценностной, символической сфере отчасти затушевывает экономические противоречия между группами населения, между властью предержащими и обществом и в настоящее время, но не устраняет их, конечно, совсем. На этом фоне примечательно, что аналогичную рекомендацию в двадцать пятой главе «Рассуждений» Макиавелли дает не только по поводу религиозных, но и в отношении политических традиций: «...Хотя новые порядки и изменяют сознание людей, надлежит стараться, чтобы в своих изменениях порядки сохраняли как можно больше от старого» [17, с. 421-422]. Согласно В.В. Разуваеву, Макиавелли можно считать одним из предтеч создания теории политической культуры [27, с. 153], по мнению которого «развращенность» и «испорченность» нравов элиты исправима при условии нераспространенности этих черт в широких слоях общества: «...Для Рима было великим счастьем то, что его цари быстро развратились; вследствие этого они были изгнаны еще до того, как их растленность перекинулась на чрево города» [17, с. 416] (семнадцатая глава «Рассуждений»).

Защита государства, его информационного суверенитета от внешних и внутренних угроз. Современный мир буквально купается в огромном океане самой разноплановой информации, часто непроверенной, порою ложной и являющуюся результатом сложного информационного противоборства между различными политическими акторами, что чревато нестабильностью государства и рисками его суверенитета. Любой существующий политический режим, как и его прототип в далеком прошлом, имеет сложившийся образ. На этот имидж государства оказывает влияние действия стоящих у власти политиков, расклад политических группировок во всей стране, а также активность внешнеполитических сил. От образа безопасного, предсказуемого и стабильного государства зависят приток инвестиций, торговое партнерство и оборот, динамика геополитических отношений и союзов стран, а также туристические потоки. Образ же справедливой, надежной, ответственной и эффективной власти больше важен для широких масс страны. Такие особенности определяют стратегическую важность защиты информационного суверенитета, – особого вида суверенитета, который больше связан не с границами, политической независимостью государства, а с его образом, влияющим в конечном счете на признание действующего политического режима со стороны населения, а также другими странами. Это понимал и Макиавелли: «Самое же главное для государя – вести себя с подданными так, чтобы никакое событие – ни дурное, ни хорошее – не заставляло его изменить своего обращения с ними... Ибо государя подстерегают две опасности – одна изнутри, со стороны подданных, другая извне – со стороны сильных соседей... Если опасность извне будет устранена, то и внутри сохранится мир, при условии, что его не нарушат тайные заговоры» [17, с. 328, 354]. Риски информационных вбросов отражены и в его стихотворении «О неблагодарности» [17, с. 240]:

Достаточно великим оступиться,
чтобы тут же чернь забыла, впав в обман,
что на таких людей должна молиться.

Злословие и клевета – дурман:
поверит честный злему измышленью,
и в нем проснется истинный тиран.

Чрезвычайную опасность для качественного управления, а значит, для легитимности режима обретает достоверность информации, о чем также пишет Макиавелли: «...Поскольку выдающиеся личности в разложившихся республиках, особенно в мирное время, окружены враждебностью зависти и прочих проявлений людского тщеславия, то верх одерживают благодаря своей распространенности ложные суждения...». Если

государство не контролирует основные информационные потоки и коммуникации, способные воздействовать на его образ, имидж в глазах населения, то, скорее, этим займется другой внутренний или даже внешний политический интересант. Такая ситуация приводит к потере государством своего информационного суверенитета, а следом – к делегитимации политического режима.

Использование политической активности граждан. Политолог В.В. Разуваев особо останавливается на глубокой мысли флорентийца – «стабильность основывается на борьбе», означающей, что политика – это мир постоянных сражений за власть, где нет места спокойствию [27, с. 72]. Перенося этот тезис в настоящее время, можно предположить, что высокая легитимность сохраняется у того политического режима, который, во-первых, грамотно организует разнообразные политические коммуникации, связывающие различные властные и общественные акторы, а также, во-вторых, перераспределяет гражданскую энергию, инициативу, активность в безопасное для себя и созидательное для общества и государства русло посредством самых разнообразных форм политической активности. К примеру, речь может идти о своевременных сигналах со стороны населения о фактах коррупции и злоупотребления правоохранительных органов. В этих приемах нет ничего совершенно нового. Катарсис использовали еще античные власти для формирования сопереживания, единения населения по отношению к политике, проводимой государством. И античные, и средневековые политики отлично понимали, что если не давать выхода выплеску накопившихся в обществе эмоций, то напряжение населения может стоить режиму его легитимности. Таким образом, политики всех времен старались сохранить некоторую автономию хотя бы на низовом уровне политической жизни. Быть может, поэтому в четвертой главе первой книги «Рассуждений» Макиавелли выдвигает поразительную, на первый взгляд, мысль – политические противоречия являются благом для порядка: «...Добрые примеры порождаются хорошим воспитанием, хорошее воспитание – хорошими законами, а хорошие законы – теми самыми смутами, которые многими необдуманно осуждаются... Кто тщательно исследует исход римских смут, обнаружит, что из них проистекали не изгнания или насилия, наносящие урон общему благу, а законы и постановления, укрепляющие общественную свободу» [17, с. 389].

Важным элементом катарсиса, «снятия политического напряжения» всегда были выборы и созданные избирательные системы [4]. Правда, в век сетевых коммуникаций и цифровизации этого уже недостаточно. И сегодняшняя власть все больше интересуется такими креативными формами политической активности как сетевой политический флэшмоб, акционизм и театрализованный перформанс. Режиму важно осваивать такие приемы через привлечение своих сторонников, в противном случае подобными сетевыми политическими практиками рано или поздно воспользуется радикальная оппозиция для государственного переворота через так называемые «цветные революции».

Адаптация имиджа провластных политиков к современным реалиям. Макиавелли советует политику не отставать от времени и текущих изменений. Значимость этой рекомендации отрицать бессмысленно. Целостный образ государства – не абстракция. Он складывается из имиджей политиков, представляющих существующий политический режим. Другими словами, значима не только политика памяти, ценностно-символическая сторона легитимности, но и своевременное обращение к проблемам настоящего, намного больше занимающих умы широких масс. Вот почему так важно продумывать ту деятельность важнейших политиков, которая будет прочно связываться гражданами с образом власти. И, как метко схватил эту суть флорентиец в восемнадцатой главе «Государя»: «...Люди большей частью судят по виду, так как увидеть дано всем, а потрогать руками – немногим» [17, с. 352]. Совет довольно современный – достаточно вспомнить постепенное распространение такого инновационного вида пропаганды как политическая голограмма в Индии, Испании, Франции, Голландии, Канаде, Турции,

Индонезии, Пакистане, Новой Зеландии, Южной Корее и других странах. Появилась политическая голограмма и в России.

В.В. Разуваев совершенно верно подчеркивает, что в ряде мест, где Макиавелли рассуждает о щедрости, подразумевается современная категория политического имиджа [26, с. 344]. Итальянский политический публицист в семнадцатой главе этой же книги уточняет, что щедрость нужна при завоевании власти политиком (на пути к власти), тогда как при удержании уже достигнутой власти она может, напротив, повредить его образу: «Цезарь был на пути к абсолютной власти над Римом, поэтому щедрость не могла ему повредить... Между тем презрение и ненависть подданных – это то самое, чего государь должен более всего опасаться, щедрость же ведет к тому и другому» [17, с. 347]. Тем самым Макиавелли дает понять, что политику нужно казаться щедрым, но не быть им. И такой совет выводит нас на современный феномен политического популизма: «...Каждый государь желал бы прослыть милосердным, а не жестоким, однако следует остерегаться злоупотреблять милосердием». В знаменитом отрывке из восемнадцатой главы про льва и лисицу автор напоминает о необходимости политику приспособляться под существующую политическую конъюнктуру. Параллельно в той же главе он повторяет о необходимости грамотного конструирования политического имиджа: «...Надо являться в глазах людей сострадательным, верным слову, милостивым, искренним, благочестивым – и быть таковым в самом деле, но внутренне надо сохранять готовность проявить и противоположные качества, если это окажется необходимо». Как видно, здесь Макиавелли остается прагматиком и не питает никаких иллюзий на счет политической сферы.

Выводы

Проведенный анализ показал, что приемы корпуса легитимации от Макиавелли (политическая аналитика, организация политической коммуникации, конструирование лояльных власти политических сообществ, определение и контролирование политической повестки, мониторинг опасных политических интриг, защита имиджа провластных политиков, учет ценностно-символического компонента и политика памяти, защита информационного суверенитета государства от внешних и внутренних угроз, использование гражданской политической активности, а также адаптация имиджа провластных политиков к современности) вполне соответствуют нынешним реалиям политических технологий в области связей с общественностью. Флорентийский ученый на деле заложил методологические принципы политического анализа, применяя сравнительный подход, кейс-стади, а также используя основы политической антропологии, когда обращался к выявлению фундаментальных политических приемов и технологий, имевших место как в античное время, так и в современную ему эпоху. Очевидно, что Макиавелли создавал свои сочинения не просто для внедрения неких манипуляций в политический процесс (они существовали до него и не исчезли позже), а с целью более эффективного удержания власти политиками. Говоря современным политологическим языком, – для сохранения высокого уровня легитимности действующего политического режима. Этот тезис хорошо дополняет наблюдение современного комментатора Макиавелли В.В. Разуваева, который пишет, что если «Государь» больше был предназначен для правителей, то «Рассуждения на первую декаду Тита Ливия» всецело ориентированы на сохранение самого государства.

Таким образом, можно заключить, что корпус рекомендаций флорентийского аналитика сохранил свою актуальность и в наше время. Но советы Макиавелли работают там, где имеются некие общие политические закономерности и применяются схожие приемы политики – политики памяти и политики предусмотрительности, политического управления, многоходовых политических интриг, конструирования положительного образа политиков и государства. Они не работают там, где наталкиваются на отторжение на уровне национальных политических ценностей [23], политической культуры, а также

специфики политического процесса конкретной страны. И это нормальная ситуация, – ведь Макиавелли творил в свое время, в условиях раздробленной католической Италии, с ее культурой, политическими традициями и общественными устоями.

На основании соотнесения аналитического наследия Макиавелли с современными трендами цифровизации политики предложим свою классификацию видов политической легитимности.

1. Технологическую легитимность можно отнести к основным коммуникационным условиям выстраивания согласия между населением и политическим режимом посредством цифровых платформ (данный вид легитимности во многом схож с типологией Ж.-Л. Шабо).

2. Персональную легитимность логично выводить из имиджевого уровня формирования согласия между режимом и гражданами через понятные и яркие образы представителей элиты (схожий тип описывают в своих работах А.В. Скиперских и Д. Истон).

3. Институциональную легитимность лучше соотносить с функциональным уровнем конструирования согласия между гражданами и действующим режимом, включающим создание положительного образа основных политических институтов (правительства, парламента, партий). Такая разновидность имеет определенные отсылки к теоретическим работам К. Шмитта и Н. Боббио. В отличие от персональной легитимности, институциональная больше связана не с политическими имиджем, а с политическим брендом, не с индивидуальным, а коллективным.

4. Ценностную легитимность резонно вывести из практики символических приемов укрепления согласия между политическим режимом и гражданами, черпающих свою силу в ценностной матрице той или иной страны (весьма похожий тип легитимности описывали М. Вебер, Д. Истон, Р. Итвел, Ж.-Л. Шабо и К. Завершинский).

Политико-антропологический подход, сравнивающий античные, средневековые и современные политикумы, позволяет распознавать перечисленные виды политической легитимности на протяжении различных исторических эпох. Делая ставку на лишь один вид легитимности, политическая элита рискует ослабить свою власть на других направлениях. Поэтому на политический режим, как внедренный элитой порядок функционирования политической системы, ложится важная миссия организации сбалансированного обеспечения политической легитимности – выстраивания достаточного уровня согласия власти с населением по самым разнообразным каналам.

В свое время десаκραлизация власти российского императора в начале XX в. привела к тому, что ореол сакрального оправдания власти постепенно перешел на сам институт государства. Из-за этого в современной России резкое падение авторитета государственных органов власти, потеря ими доверия среди населения способны вызвать катастрофические риски для легитимности политического режима и в итоге обрушить всю политическую систему. Следовательно, российская власть должна стать политически гибче, оперативней реагировать на существующие социально-экономические, культурные и политические проблемы населения, иначе они трансформируются в радикальную плоскость. Сохранить и упрочить легитимность российскому политическому режиму в современных условиях можно только в одном случае – его представители должны инициировать масштабный прогрессивный и в тоже время нравственный, общественно важный проект, нацеленный на возрождение, обустройство, освоение страны, предотвращение ее экономической и моральной деградации. PR будет наиболее продуктивным для политического режима, только если он будет в наивысшей степени содержательным и целеустремленным, служащим ориентирам духовного и технологического прогресса страны. Без определения ценностного корпуса для всей страны это сделать будет невозможно – наоборот, станет сохраняться феномен «разорванной страны» с элементами внешних западных заимствований и собственных политических рудиментов, все больше входящих в противоречие.

Россия, Китай, США и другие страны имеют свои политические ценности, которые важно учитывать современному политологу при анализе протекающих в них политических процессов. От этих ценностей зависит и легитимность политического режима – согласие общества и власти по поводу оптимальности и справедливости практики технологий и коммуникаций существующих политических институтов.

Литература

1. *Абрамов А.В.* К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества //Журнал политических исследований. – 2017. – Т. 1. – №3. – С. 136–148.
2. *Аги У., Кэмерон Г., Олт Ф., Уилкоккс Д.* Самое главное в PR. /Пер. с англ. - СПб.: Питер, 2004. 560 с.
3. *Аксаков И.С.* Наше знамя – русская народность. /Сост. и коммент. С. Лебедева. М.: Изд. 2-е. - М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2016. 640 с.
4. *Алексеев Р.А.* Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование): монография. - М.: ИНФРА-М, 2019. 211 с.
5. *Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А.* Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе. - М.: Аспект-Пресс, 1996. 125 с.
6. *Ачкасова В.А., Володина Л.В., Бабочиева М.Л., Белянина Н.Н., Быков И.А., Быстрынецев С.Б., Гончаров В.Э., Гусев К.А., Карпухина О.К., Меткин М.В., Старенченко Ю.Л.* Связи с общественностью как социальная инженерия. Учебник. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (2-е изд., испр. и доп.). - М.: Юрайт, 2018. 350 с.
7. Бердяев Н. Малое собрание сочинений. - СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 672 с.
8. *Быков И.А.* Государственный PR как выражение стратегических установок политической элиты //Медиа в современном мире. 58-е петербургские чтения. Том. 1. - СПб., СПбГУ, 2019. - С. 53-54.
9. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия. /Пер. с нем. и вступит. статья А.Ф. Филиппова. - М.: РИПОЛ классик, 2018. С. 229-231.
10. *Володенков С.В.* Big Data как инструмент воздействия на современный политический процесс: особенности, потенциал и акторы //Журнал политических исследований, - 2019. - Т.3. - №1. - С. 7-13.
11. *Грачев М.Н.* О соотношении концепций установления повестки дня и фрейминга //Век информации, - 2018. - Т.2. - №2. - С. 94-96.
12. *Деменов С.* Символ и капитал. (Материализация символа). 2-е изд. - СПб.: Страта, 2016. 224 с.
13. *Жуков Д.С.* Прерывистый эквилибриум: как самоорганизованная критичность в Сети влияет на политическую повестку дня //Журнал политических исследований. – 2018. – Т. 2. – №4. – С. 18–40.
14. *Завершинский К.Ф.* Легитимность: генезис, становление и развитие концепта //Полис. Политические исследования, - 2001. - № 2. - С. 113-131.
15. *Иван Грозный.* Государь. Сост. и примеч. В.Г. Манягина. Изд. 4-е. - М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2016. 400 с.
16. *Ильин И.А.* Путь духовного обновления. /Сост. О.А. Платонов. Изд. 2-е. - М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2017. 1216 с.
17. *Макиавелли Н.* Избранные сочинения. Пер. с ит., вступ. ст. К. Долгова. - М.: Худож. лит., 1982. 503 с.
18. *Матюхин А.В.* Ключевые категории политической власти в монархической теории Л.А. Тихомирова //Журнал политических исследований, - 2017. - Т.1. - №4. - С. 115-128.
19. *Матюхин А.В.* Проект общественного устройства М.А. Бакунина //Журнал политических исследований, - 2019. - Т.3. - №2. - С. 3-10.

20. Митрополит Иларион. Слово о Законе и Благодати. /Сост., пер. В.Я. Дерягина. Реконстр. древнерус. текста Л.П. Жуковской. Изд. 2-е. - М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2016. 176 с.
21. Никколо Макиавелли. Время государя: с комментариями и объяснениями. Пер. Г. Муравьевой. - М.: АСТ, 2018. 256 с.
22. Новгородцев П.И. Сочинения. - М.: Раритет, 1995. 448 с.
23. Освальд Шпенглер о немецком национальном характере //Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки, - 2019. - №3. - С. 50-54.
24. Повесть временных лет. /Пер. А.Г. Кузьмина. Изд. 2-е. - М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2016. 544 с.
25. Разуваев В.В. Анатомия политической интриги. - М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 184 с.
26. Разуваев В.В. Комментарии к «Государю» Макиавелли. - М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2017. 528 с.
27. Разуваев В.В. Комментарии к «Рассуждениям» Макиавелли. - М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 800 с.
28. Сморгун Л.В. Знание и публичное управление: от утверждения нормы к суждению //Политическая наука, - 2016. - № 2. - С. 181-197.
29. Тютчев Ф.И. Россия и Запад. /Сост., вступ. ст. Б.Н. Тарасова. Изд. 2-е. - М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2016. 592 с.
30. Феофан Прокопович. Сочинения. /Под ред. И.П. Еремина. - М.; Л., 1961.
31. Шмитт К. Понятие политического. - СПб.: Наука. /Пер. с нем. А.Ф. Филиппова, А.П. Шурбылева, Ю.Ю. Коринеца, 2016. 568 с.
32. Шукшин В.М. Вопросы к самому себе. - М.: Мол. гвардия, 1981. 256 с.
33. Шульгин В.В. Дни; 1920 год. - М.: ПРОЗАиК, 2017. 413 с.
34. Alagappa M. Political Legitimacy in Southeast Asia. The Quest for Moral Authority. - Stanford: Stanford University Press, 1995. 464 p.
35. Beetham D. In Defence of Legitimacy //Political Studies, - 1993. - XLI. - P. 488-491.
36. Bobbio N., Matteucci N., Pasquino G. Dicionario de política. 11ª edição. Editora Universidade de Brasília, 1983. 1358 p.
37. Delbrück J. Exercising Public Authority Beyond the State: Transnational Democracy and/or Alternative Legitimation Strategies? //Indiana Journal of Global Legal Studies, - 2003. - 10(1). - P. 29-43.
38. Dogan M. Conceptions of Legitimacy //Encyclopedia of Government and Politics. 2nd edition. Ed. by M. Hawkesworth, M. Kogan. - London: Routledge, 2003. Vol. 2. P. 116-219.
39. Easton D. The re-assessment of the concept of political support //British Journal of Political Science, - 1975. - Vol. 5. - №4. - P. 436-451.
40. John Locke: Critical Assessments. Series: Critical Assessments of Leading Political Philosophers. Ed. by R. Ashcraft. - London: Routledge, 1991. 2208 p.
41. Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. 2nd ed. - London: Heinemann, 1983. 586 p.
42. Piras M. Lo spazio della politica: potere, condivisione, legittimazione //Etica & Politica /Ethics & Politics, 2016. - XIX. - 2. - P. 263-274.
43. Sternberger D. «Legitimacy» in International Encyclopedia of the Social Sciences. Ed. by D.L. Sills. - New York: Macmillan. 1968. Vol. 9. P. 244-248.

References

1. Abramov A.V. К вопросу о духовных регуляторах политической жизни современного российского общества [On the issue of spiritual regulators of the political life of modern Russian society]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Politic Research]. 2017, V. 1, I. 3. S, pp. 136-148.

2. Agi U., Kameron G., Olt F., Uilkoks D. *Samoe glavnoe v PR* [The most important thing in PR]. SPb., Piter Publ., 2004, 560 p.
3. Aksakov I.S. *Nashe znamya – russkaya narodnost'* [Our banner is the Russian nationality. M., Institute of Russian Civilization, Hometown Publ., 2nd., 2016, 640 p.
4. Alekseev R.A. *Izbitatel'naya sistema kak faktor stanovleniya i razvitiya rossiyskoy demokratii (sravnitel'noe politiko-pravovoe issledovanie): monografiya* [The electoral system as a factor in the formation and development of Russian democracy (comparative political and legal research): monograph]. M., INFRA-M Publ., 2019, 211 p.
5. Achkasov V.A., Eliseev S.M., Lantsov S.A. *Legitimatsiya vlasti v postsotsialisticheskom rossiyskom obshchestve* [Legitimation of power in post-socialist Russian society]. M., Aspekt-Press Publ., 1996, 125 p.
6. Achkasova V.A., Volodina L.V., Babochieva M.L., Belyanina N.N., Bykov I.A., Bystryantsev S.B., Goncharov V.E., Gusev K.A., Karpukhina O.K., Metkin M.V., Starenchenko Yu.L. *Svyazi s obshchestvennost'yu kak sotsial'naya inzheneriya. Uchebnik* [Public Relations as Social Engineering. Textbook]. M., Yurayt Publ., 2018, 350 p.
7. Berdyayev N. *Maloe sobranie sochineniy* [Small collected works]. SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus. Publ., 2016, 672 p.
8. Bykov I.A. Gosudarstvennyy PR kak vyrazhenie strategicheskikh ustanovok politicheskoy elity [State PR as an expression of strategic attitudes of the political elite]. *Media v sovremennom mire. 58-e peterburgskie chteniya* [Media in the modern world. 58th St. Petersburg readings]. SPb., SPbGU Publ., 2019, T. 1, P. 53-54.
9. Veber M. *Politika kak prizvanie i professiya* [Politics as a vocation and profession]. /Per. s nem. i vstupit. stat'ya A.F. Filippova. M., RIPOL klassik Publ., 2018, P. 229-231.
10. Volodenkov S.V. Big Data kak instrument vozdeystviya na sovremennyy politicheskiy protsess: osobennosti, potentsial i aktory [Big Data as a tool for influencing the modern political process: features, potential and actors]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij* [Journal of Politic Research]. 2019, V.3, I. P. 7-13.
11. Grachev M.N. O sootnoshenii kontseptsiy ustanovleniya povestki dnya i freyminga [On the correlation of the concepts of setting the agenda and framing] *Vek informatsii* [Information Age]. 2018, V.2, I.2, P. 94-96.
12. Demenok S. *Simvol i kapital (Materializatsiya simvola)* [Symbol and capital (Materialization of the symbol)]. (Materialization of the symbol). SPb., Strata Publ., 2016. 22 p.
13. Zhukov D.S. Preryvistyy ekvilibrium: kak samoorganizovannaya kritichnost' v Seti vliyaet na politicheskuyu povestku dnya. [Intermittent equilibrium: how self-organized criticality on the web influences the political agenda]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*. [Journal of Politic Research]. 2018, V. 2, I. 4, pp. 18-40.
14. Zavershinskiy K.F. Legitimnost': genezis, stanovlenie i razvitie kontsepta [Legitimacy: Genesis, Formation and Development of a Concept] *Policy. Political research*. [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2001, I. 2, P. 113-131.
15. Ivan Groznyy. *Gosudar'* [Sovereign]. Sost. i primech. V.G. Manyagina. M, Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana Publ., 2016. 400 p.
16. Il'in I.A. *Put' dukhovnogo obnovleniya* [The path of spiritual renewal] Sost. O.A. Platonov. M., Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana Publ., 2017, 1216 p.
17. Makiavelli N. *Izbrannye sochineniya* [Selected works]. Per. s it., vstup. st. K. Dolgova. M., Khudozh. lit. Publ., 1982, 503 p.
18. Matyukhin A.V. Klyucheveye kategorii politicheskoy vlasti v monarkhicheskoy teorii L.A. Tikhomirova [Key categories of political power in monarchical theory L.A. Tikhomirova]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*. [Journal of Politic Research]. 2017, V.1, I. 4, P. 115-128.
19. Matyukhin A.V. Proekt obshchestvennogo ustroystva M.A. Bakunina [Project of the social structure M.A. Bakunin]. *Zhurnal politicheskikh issledovanij*. [Journal of Politic Research]. 2019, V.3, I. 2, P. 3-10.

20. Mitropolit Ilarion. *Slovo o Zakone i Blagodati* [A word about the Law and Grace]. /Sost., per. V.Ya. Deryagina. Rekonstr. drevnerus. teksta L.P. Zhukovskoy. M., Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana Publ., 2016, 176 p.
21. Niccolo Machiavelli. *Vremya gosudarya: s kommentariyami i ob"yasneniyami* [Time of the sovereign: with comments and explanations] Per. G. Ants. M., AST Publ., 2018, 256 p.
22. Novgorodtsev P.I. *Sochineniya* [Compositions]. M., Raritet Publ., 1995, 448 p.
23. Osva'd Shpengler o nemetskom natsional'nom kharaktere [Oswald Spengler on the German national character]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki.* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: History and Political Science]. 2019, V. 3, P. 50-54.
24. *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. /Per. A.G. Kuz'mina. M., Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana Publ., 2016, 544 p.
25. Razuvaev V.V. *Anatomiya politicheskoy intrigi* [Anatomy of political intrigue]. M., SPb., Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019, 184 p.
26. Razuvaev V.V. *Kommentarii k «Gosudaryu» Makiavelli* [Comments on the "Sovereign" Machiavelli]. M., SPb., Tsentr gumanitarnykh initsiativ, Universitetskaya kniga Publ., 2017. 528 p.
27. Razuvaev V.V. *Kommentarii k «Rassuzhdeniyam» Makiavelli* [Comments on Machiavelli's Reasoning]. M., SPb., Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2018, 800 p.
28. Smorgunov L.V. *Znanie i publichnoe upravlenie: ot utverzheniya normy k suzheniyu* [Knowledge and public administration: from the adoption of norms to judgment]. *Politicheskaya nauka* [Political science]. 2016, V. 2, P. 181-197.
29. Tyutchev F.I. *Rossiya i Zapad* [Russia and the West]. Sost., vstup. st. B.N. Tarasova. M., Institut russkoy tsivilizatsii, Rodnaya strana Publ., 2016, 592 p.
30. Feofan Prokopovich. *Sochineniya* [Compositions]. /Pod red. I.P. Eremina. M.; L., Izd-vo Akademii nauk SSSR Publ, 1961, 503 p.
31. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. SPb., Nauka Publ, 2016, 568 p.
32. Shukshin V.M. *Voprosy k samomu sebe* [Questions to yourself]. M., Mol. gvardiya Publ., 1981, 256 p.
33. Shul'gin V.V. *Dni; 1920 god* [Days; 1920 year]. M., PROZAIK Publ., 2017, 413 p.
34. Alagappa M. *Political Legitimacy in Southeast Asia. The Quest for Moral Authority.* Stanford: Stanford University Press Publ., 1995, 464 p.
35. Beetham D. In Defence of Legitimacy. *Political Studies*, 1993, XLI, P. 488-491.
36. Bobbio N., Matteucci N., Pasquino G. *Diccionario de política.* 11ª edição. Editora Universidade de Brasília Publ., 1983, 1358 p.
37. Delbrück J. Exercising Public Authority Beyond the State: Transnational Democracy and/or Alternative Legitimation Strategies? *Indiana Journal of Global Legal Studies*, 2003, 10(1), P. 29-43.
38. Dogan M. *Conceptions of Legitimacy.* Encyclopedia of Government and Politics. 2nd edition. Ed. by M. Hawkesworth, M. Kogan. L., Routledge Publ., 2003, Vol. 2, P. 116-219.
39. Easton D. The re-assessment of the concept of political support. *British Journal of Political Science*, 1975, V. 5, I. 4, P. 436-451.
40. John Locke: *Critical Assessments. Series: Critical Assessments of Leading Political Philosophers.* Ed. by R. Ashcraft. L., Routledge Publ., 1991, 2208 p.
41. Lipset S.M. *Political Man: The Social Bases of Politics.* 2nd ed. L., Heinemann Publ., 1983, 586 p.
42. Piras M. Lo spazio della politica: potere, condivisione, legittimazione. *Etica & Politica /Ethics & Politics*, 2016, XIX, 2. P. 263-274.
43. Sternberger D. «Legitimacy» in *International Encyclopedia of the Social Sciences.* Ed. by D.L. Sills. New York, Macmillan Publ., 1968, V. 9, P. 244-248.